
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

S.M. Fedyunina
**Social Practices of Cross-Ethnic
Tolerance Development
as a Component
of the Regional Ethnic Policy**

The sociological concept of "tolerance" is considered in the context of regional ethnic policy and migration processes. The potentialities of social practices in cross-ethnic tolerance development to answer the purpose of ethnic conflicts prevention are revealed.

Key words and word-combinations: social practices, cross-ethnic tolerance, ethnic conflict, migration, ethnic policy.

Рассматривается социологическое понятие «толерантность» в контексте региональной этнополитики, миграционных процессов. Раскрывается потенциал социальных практик формирования межэтнической толерантности с целью предупреждения региональных этноконфликтов.

Ключевые слова и словосочетания: социальные практики, межэтническая толерантность, этноконфликт, миграция, этнополитика.

УДК 323.11(470.44)
ББК 66.3(0)5(235.54)

С.М. Федюнина

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

В условиях формирования в России гражданского общества, интенсификации транснациональных перемещений и межнациональных контактов, миграционных процессов межэтнические и межкультурные взаимодействия приобретают новую специфику. Конструктивное взаимодействие социальных групп любого государства, имеющих различные ценностные и религиозные ориентации, достигается за счет выработки норм толерантного поведения и навыков межэтнического взаимодействия. Формирование установок толерантности, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им имеют для многонациональной и многоконфессиональной России особую актуальность и, безусловно, должны являться составляющей этнополитики на региональном уровне.

Межэтническая толерантность формиру-

ется через систему социальных практик, детерминированных социальной средой и обладающих способностью к трансформации социальной действительности. Необходимо рассмотреть ряд проблем, связанных с вопросами толерантности в контексте межэтнических отношений, а также обозначить видение проблемы формирования межэтнической толерантности посредством социальных практик в регионе.

Термин «толерантность» неоднозначно трактуется в различных междисциплинарных областях. В частности, при переводе с английского языка на русский декларации ЮНЕСКО термин «толерантность», истолкованный как «терпимость», внес некоторую терминологическую путаницу в понятийную базу российских гуманитарных наук, так как термин приобрел не свойственную ему на языке оригинала коннотацию [1, 2]. Хорошо известно, что слово «терпимость» в русском языке имеет такие коннотативные характеристики, как «пассивность», «смирение с обстоятельствами», «следование чужой воле» и т.д. В декларации же «толерантность» понимается как активная установка на принятие чужого: образа жизни, веры, традиций, обычаев. Межэтническая толерантность в нашем понимании – это сложное ментальное образование, отражающее установку на активное сотрудничество с представителями иного этноса. Формирование толерантных практик, толерантного отношения к «инаковости» подвержено воздействию различных факторов на макро- и микроуровнях.

К макроуровням можно отнести этнополитические явления и социально-экономические преобразования в мире, государствах, регионах, институциональных образованиях. На микроуровне психологические особенности личности, вероисповедание, социальный статус, принадлежность к социальному слою, субкультуре, референтной группе обуславливают толерантное либо интолерантное поведение индивида. Как справедливо отмечает Н.Г. Анциферова, интолерантность может быть сформирована под действием негативной исторической памяти, массового неприятия потрясений, перенесенных большей частью общества по вине или с участием «иного» [3]. Крайней формой проявления интолерантности является экстремизм – действия, направленные против инаковости и в обход принципов уважения человеческого достоинства. Как показало исследование, проведенное П.В. Масычевым, понятие «экстремист» у жителей Саратова полностью отождествляется с понятиями «националист», «бандит», «террорист» [4].

Проблемы межэтнической толерантности неразрывно связаны с проблемами миграции. Международная трудовая миграция является, как известно, неизбежным следствием глобализации. Саратовская область – привлекательный регион для иностранной рабочей силы, что обусловлено целым рядом причин. Среди них выделяется, во-первых, геополитическое положение области, в частности граница с Казахстаном, благодаря которой в Саратовский регион прибывают различные категории трудовых мигрантов из Казахстана, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и т.д. Аналитиками отмечается, что именно в Саратовском регионе остается значительная часть различных категорий трудовых мигрантов. Во-вторых, Саратовская область привлекает мигрантов как благоприятное место жительства из-за климатических условий [4]. Немаловажными факторами являются развитие коммерции, строительства, наличие большого коли-

чества высших учебных заведений. Регион характеризуется относительной социально-политической стабильностью: отсутствие каких-либо «громких» проявлений ксенофобий, экстремизма, расизма и прочих интолерантных практик также является привлекательным фактором для приезжих.

Однако в ситуации происходящих экономических перемен и преобразований социальной сферы ключевые аспекты новой национальной и региональной политики зачастую становятся предметом острых научных, политических и идеологических дискуссий, усугубляемых политическими спекуляциями на тему демографии, миграции, экономических и территориально-политических конфликтов, российской идентичности. Этнические противостояния, ситуации интолерантности связываются зачастую в представлениях населения регионов именно с ситуациями трудовой миграции. Дискриминационное социальное пространство достаточно явно проступает в дискурсе современных СМИ, в научных и публицистических печатных изданиях, которые по своему прямому назначению должны выступать рупором формирования национального самосознания, самоутверждения этнической общности.

В качестве примеров остановимся на результатах социологических исследований. Так, проведенный нами контент-анализ трех наименований профессиональной периодики с пошаговой выборкой: «Государство и право», «Правоведение», «Милиция» (всего проанализировано 110 выпусков и 206 релевантных цели исследования проблемно-аналитических публикаций за период с 1990 по 2004 г.) – показал, что в профессиональной юридической периодике присутствует дискурс толерантности и прав человека, что соответствует современной политической риторике и находит отражение в развитии юридической теории и в правоприменительной практике. Наряду с этим, зафиксированы свидетельства интолерантности и тенденция к усилению правоконсервативного дискурса. Примечательно, что статьи, публикуемые в академических изданиях и адресованные интеллектуалам, более ориентированы на макроуровень процессов и явлений, включая международные, межгосударственные отношения.

Материалы прикладного характера, рассчитанные на работников органов внутренних дел, зачастую направлены на микроуровень, что обуславливает более высокую эмоциональную насыщенность публикаций, конструирование взаимоотношений по схеме «свой–чужой». Очевидно, что авторы ориентированы на вполне определенную аудиторию – реальных и потенциальных участников представляемых ими событий, а также на вполне определенную задачу – конструирование образа «наших» (бойцов, героев –защитников правопорядка, миротворцев-гуманистов) и «противников» (бандитов, преступников, насильников). Антидискриминационные суждения форматированы соответствующим образом – за защиту коренного населения от притеснений со стороны мигрантов [5].

В экспертном опросе, проведенном В.Н. Ярской, среди респондентов были преподаватели и аспиранты двадцати российских вузов, социологи из независимых исследовательских центров. Опрос состоялся летом 2011 г., общее число опрошенных 48 человек, 29 женщин и 19 мужчин: 43 человека в возрасте от 23 до 50 лет, 5 человек старше 60 лет). Респонденты отмечали, что расизм при-

существует в политике, образовании, армии, молодежной политике, проявляется в утверждении принципа превосходства одной расы над другой. В практике социальных коммуникаций, в сети Интернет, в речи политиков нередко проскальзывает неприязнь к «лицам кавказской национальности», появился новояз «лица славянской внешности». «Расизм институционален: он коренится не только в мировоззрении людей, но и в социальной политике, риторике представителей государственных институтов, проявляется в стигматизации и наклеивании ярлыков посредством языковых практик» [6, с. 47]. Как отмечает В.Н. Ярская, респонденты ссылаются на зарубежные практики преодоления дискурса расизма. Политически корректными, по мнению автора, являются попытки *«избавиться от расистских выражений и сленга, когда упоминаются представители этнических групп, мигранты, дискурс аборигенных студентов в университетах сдвигается от тематики проблем и барьеров к тематике успеха»* [6, с. 47].

В исследованиях, посвященных трудовой миграции, отмечается, что приращение миграционным процессам этнической окраски, формирование негативных этностереотипов у населения в Саратовском регионе не имеет под собой достаточных объективных оснований. Официальная статистика свидетельствует, что на рубеже XX и XXI вв. за счет миграции наибольший прирост численности населения области наблюдался среди русских. Второе место занимают украинцы, миграционный прирост которых оказался в 2000 г. в 7 раз меньше, чем русских. На третьем месте – армяне, на четвертом – казахи и азербайджанцы, на пятом – татары. Прирост численности остальных этнических групп был весьма незначительным либо отрицательным [7].

Этнический состав области, большую часть которого составляют русские, не был подвержен серьезным изменениям. Однако, согласно опросу населения, осуществлявшемуся Центром изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, коренные жители Саратовской области наибольшую угрозу стабильности в регионе видят в представителях народов Кавказа (31% опрошенных). Эту группу назвали все респонденты, вообще выразившие негативное или крайне негативное отношение к каким-либо этническим группам. Исследование также показало, что если доминирующей этнической компонентой являлась кавказофобия, то нарастающей – негативная реакция на приток центральноазиатских мигрантов [8], причем отношение к вынужденным мигрантам окрашено коннотациями сочувствия, а в трудовых мигрантах видится наибольшая угроза в плане негативных социальных изменений.

Истоками мигрантофобии, поддерживаемыми, как указывалось, различными СМИ и заинтересованными политическими силами, являются стереотипы, связанные с личным опытом общения с мигрантами, менталитет и историческая память населения, связанная с конфликтами и войнами на Кавказе, а кроме этого, различные культурные традиции и поведенческие паттерны мигрантов, их нежелание хотя бы формально уважать нормы и ценности принявшего их региона.

Не только среди населения формируются стереотипные представления о «чужих–своих». Так, респонденты целевой выборки проведенного нами социологического опроса сотрудников силовых структур трех областей (Саратовской, Пензенской, Самарской, N=343) в качестве основных причин конфликтов на почве национальной неприязни указывали наличие приезжих, мигрантов.

Негативное влияние мигрантов на общую ситуацию в месте проживания полагают очевидным 70% сотрудников органов внутренних дел. Многонациональный состав населения России считали позитивным фактором лишь 60% респондентов; отдельные национальные группы, проживающие в регионе, вызывали ощущение раздражения и неприязни у 30% опрошенных [9]. Как показали проведенные нами исследования, сотрудники органов внутренних дел по своим служебным обязанностям чаще остальных россиян сталкиваются с проявлениями межэтнических конфликтов. Это же обстоятельство порой мешает объективно воспринимать причины и внутренние механизмы динамики ситуации.

Таким образом, совершенно очевидно, что интолерантные отношения к «чужим» у различных групп населения, профессионалов во всех отраслях, включая сотрудников правопорядка, представителей СМИ, политиков и государственных служащих, создают предрасположенность к возникновению интолерантных практик противостояния и представляют угрозу для возникновения экстремистских ситуаций.

Поволжье исторически формировалось как мультиэтнический, мультиконфессиональный регион, поэтому добрососедство различных этнических групп и наличие разных конфессий являются исторически сложившейся нормой для Саратовской области. В современных условиях, как представляется, наибольшую угрозу безопасности и отрицательный (конфликтогенный) потенциал имеет не сама миграция, в том числе трудовая, а нелегальное положение мигрантов. На территории Саратовской области, по данным УФМС, в последние годы в зависимости от сезона фиксируется от 6 до 10 тысяч нелегальных мигрантов [10]. С учетом перечисленных обстоятельств проблемы формирования социальных практик межэтнической толерантности в области приобретают особую остроту.

В основе категории социальной практики, раскрывающей широкий спектр явлений современной действительности, лежат концепции социального действия, разработанные М. Вебером, Т. Парсонсом, Э. Гидденсом, П. Бурдьё. Социальные практики имеют ряд характеристик, основными из которых являются воспроизводимость, нормативность, устойчивость (Э. Гидденс), двойственность структуры (П. Бурдьё).

В методологии современных российских исследователей имеются два противоположных подхода к толкованию социальных практик. В основе первого подхода лежит понимание социального института как устойчивого типа социальной практики. Во втором подходе социальные практики рассматриваются как формы функционирования социальных институтов [11]. Согласимся с точкой зрения, что в современном понимании социальная практика предстает «как совокупность действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей, организаций во времени и в пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов» [11]. Указанные характеристики дают возможность обозначить уровни формирования межэтнической толерантности в регионе посредством социальных практик.

На региональном уровне, в институтах власти, социальные межэтнические практики должны приобрести осмысление с точки зрения законодательной базы на основе анализа нормативных правовых актов Российской Федерации и регио-

нальных документов и заключаться в целенаправленном формировании правовой культуры в сфере межэтнической толерантности. Предоставление рабочих мест мигрантам, их социальная защита и одновременно социально-экономическая защита интересов жителей области должны занять приоритетные позиции. В этом отношении уже намечаются положительные сдвиги. Так, в настоящее время в Саратовской области открыто 28 тысяч вакансий. Если в течение двух месяцев после открытия рабочее место не занимают местные жители, на него могут претендовать иностранцы. УФМС выдало в 2012 г. 14 тысяч разрешений на труд в Саратовской области из поступивших 20 тысяч заявок.

Следующий институциональный уровень формирования межэтнической толерантности, на наш взгляд, должен быть в первую очередь связан социокультурными практиками. Это касается прежде всего институтов образования, социального обеспечения, культуры и различных конфессий. Положительным примером подобных практик могут служить адаптационные курсы для мигрантов, проводимые в соответствии с программой, разработанной на основе соглашения УФМС России по Саратовской области и Саратовской митрополии Русской Православной Церкви. Граждане Узбекистана, Азербайджана, Армении, Грузии и Украины прошли обучение по четырем основным направлениям, включающим в себя духовно-культурный компонент, основы русского языка, сведения о национальной политике в области [12].

В 2001–2005 гг. успешно действовала Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», миссией которой была консолидация гражданского общества, поддержка разнообразия, утверждение права всех людей быть разными. Благодаря программе в вузах, школах, на предприятиях проводились уроки толерантности, которые можно отнести к разряду успешных социокультурных практик. Инструментальная ценность программы состояла в разработке ключевых методик и принципов изучения и формирования толерантности как важнейшей ценности и социальной нормы гражданского общества, проявляющейся в обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; в уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Однако эта положительная инициатива, к сожалению, не получила дальнейшего развития.

Личностный уровень межэтнической толерантности предполагает сформированность социально-психологических установок к гармонизирующему взаимодействию с представителями различных народов, отсутствие этнических фобий и негативной исторической памяти. Формирование данного уровня является либо результатом семейного воспитания, либо результатом социальных и социокультурных практик, усвоенных на двух предыдущих уровнях.

Таким образом, межэтническая толерантность является продуктом социальной коммуникации в поликультурном обществе, и ее эффективное построение требует разработки стратегии и реализации социальных практик как составляющей этнополитики региона.

Библиографический список

1. Федюнина С.М. Проводник ценностей мультикультурализма // Высшее образование в России. 2006. № 6.
2. Федюнина С.М. Межэтнические социально-культурные отношения и процессы в современном мультикультурном обществе // Власть. 2012. № 3. С. 34–38.
3. Анциферов Н.Г. Этническая толерантность в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
4. Масычев П.В. Этнорелигиозный экстремизм: враги и друзья радикального православия // Вестник ПАГС. 2012. № 1. С. 38–43.
5. Федюнина С.М. Мультикультурализм: политика репрезентаций и практика повседневной жизни. Саратов, 2005.
6. Ярская В.Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 46–53.
7. Плохова Н.В. Портрет трудового мигранта Саратовской области. URL: <http://sarrsute.ru/images/stories/articlefoto/rio/journal/journal2-24/Plokhova.pdf>
8. Витковская Г.С. Миграция и мигрантофобия в Приволжском регионе: Саратовская область. URL: http://migrocenter.ru/acrobat/privol_v202.pdf
9. Федюнина С.С. Толерантность к межэтническим взаимодействиям с мигрантами в установках сотрудников силовых структур // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 3. С. 151–158.
10. Четвертая власть: Интернет-издание. URL: <http://www.4vsar.ru/news/33148.html>
11. Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Общественные науки. 2009. № 4 (70).
12. Бизнес-среда: информационный портал г. Балакова. Адаптационные курсы для мигрантов // URL: <http://businessreda.ru/biznes-novosti/item/891> (дата обращения: 16.11.2012).

A.B. Shipitko
Methodological Bases of Research
of Social Partnership for Economic
Organizations

The essence and principles of modern social partnership are revealed. The necessity of social partnership development in the context of market relations improvement in the Russian society is grounded.

Key words and word-combinations: social partnership, social and economic interests, trust, social responsibility.

Выявляются сущность и принципы современного социального партнерства. Обосновывается необходимость развития социального партнерства в контексте совершенствования рыночных отношений российского общества.

Ключевые слова и словосочетания: социальное партнерство, социально-экономические интересы, доверие, социальная ответственность.

УДК 658.114
ББК 65.292

А.Б. Шипитько

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО
ПАРТНЕРСТВА
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ

В условиях совершенствования рыночных отношений хозяйственные организации все более ориентируются на удовлетворение потребностей экономических субъектов и конкретных социальных нужд общества. Ме-